

Убежавший

Русский телеграф, 1998 - 26 мая, с.18
Сегодня прозаiku Владимиру Маканину будет вручена Пушкинская премия

Маканин дебютировал в середине 60-х, первым его крупным сочинением была «Прямая линия» — производственный роман из жизни советских математиков, вполне романтический, в духе эпохи. Позже, однако, его письмо потеряло шестидесятническую устремленность в светлое будущее и замкнулось в настоящем — времени неопределенного цвета, где не было слышно литавр, но каждое утро непременно трещал требовательный будильник. Герои Маканина — тихие клерки, задумчивые пролетарии и смятенная интеллигенция — ежедневно спешили на работу, где им каждый раз заново приходилось выгрызать-понимать-отстаивать свое «Место под солнцем»: так назывался один из самых знаменитых его сборников.

Маканин — вместе с активно работавшими в 70–80-е Анатолием Курчаткиным, Русланом Киреевым, вслед за классиком бытовой повести Юрием Трифоновым — исследовал социальное самоощущение «среднего человека». В более модных контекстах это называется словом identity. «Ключарев и Алимуткин» (рассказ о том, как убывает счастья у одного, когда прибывает у другого), «Человек свиты» (психология карьериста), «Антилидер» (ненависть к победителям), «Человек убегающий» (от себя не убежишь, говорили в те годы) — все это была, собственно, литература, заменявшая отсутствовавшую социальную психологию. В хорошем смысле двух последних слов.

Время от времени эти идентификационные штудии разбавлялись метафизическими-мистическими озарениями, и тогда в центр повествования могли перемещаться напряженные южноуральские ландшафты (родные места писателя) или ясновидящий мальчик, умеющий сердцем почуять, где лежит золото: лихие люди гнали его с собой в тяжкие экспедиции, избивая, когда золота не было слишком долго. С этими озарениями связаны две лучшие, наверное, повести Маканина — «Голоса» и «Где сходилась небо с холмами». В последней преуспевающий композитор-симфонист, берущий темы из песен, которые пели в забытом Богом поселке его детства, приезжает на родину и обнаруживает, что взятые им мелодии пропадают из репертуара деревенских певцов. Что мелодическое богат-

ство, расточаемое им по залам Вены и Парижа, убывает в колодце-первоисточнике. Так унылая тема ответственности художника расцветала неожиданно тревожными магическими мотивами. Это был сильный жест: обнаружение тонкой — не в духе карнавального «Альтиста Данилова», а скорее в тональности дурманных буддистских сновидений — мистики повседневности.

Критики любят вспоминать давнюю повесть Маканина «Отставший», посвященную человеку, чьи таланты не нужны времени: так, дескать, и автор «отстал» от писанной когорты шестидесятников, но зато сохранил ровное дыхание. Это верное наблюдение: если Аксенова, Войновича, Гладиллина, увы, давно нет в текущей литературе, то Маканин на протяжении двух десятилетий остается актуальным автором. Последние годы, правда, он переживает то, что наблюдатели, в зависимости от настроения, именуют кризисом или поиском. Он сочинил две большие эссеидальные — на взгляд вашего покорного слуги, неудачные — повести, за одну из которых, впрочем, получил Букеровскую премию. Тонкая мистика обернулась грубым спорреализмом о громадной руке, которая протискивается в любые укрытия и обижает беззащитных «средних людей» («Сюр в Пролетарском районе», «Лаз»). Тайнственные связи душ и пространств в последний раз концептуализировались им в повести «Кавказский пленный», где гомосексуальная тяга русского солдата к кавказскому соответственно пленному находила оправдание в неизъяснимой красоте гор. Социальная же психология — во всей ее грузной сутубости — явлена читателю свежим романом «Андеграунд, или Герой нашего времени». Роман, на мой вкус, слишком длинный, но в премиальный день хочется выразить надежду, что у покупателей (журнальная публикация «Знамени» только что продублирована книжкой «Вагриуса») будет желание читать подробный, неторопливый текст о недавних перипетиях нашей гражданской истории. О человеке, который последовательно бежит соблазнов эпохи, хотя ему для этого приходится становиться бомжом и убийцей. Маканину повезло больше, чем его герою.

Вячеслав Курицын

Премии бывают двух типов: за конкретную заслугу и за выслугу лет. За конкретный текст, опубликованный в конкретный срок, и, так сказать, номенклатурные. Первые интереснее как соревнование: к ним — среди литературных премий — относятся Букеровская, Антибукеровская и им. Аполлона Григорьева. Номенклатурные премии — это Государственная и «Триумф» (в их литературной части, во всяком случае), премия им. Шолохова (среди лауреатов которой Караджич и Лукашенко), Солженицынская премия (насколько можно судить по ее первому присуждению). Пушкинская премия, основанная гамбургским Фондом Альфреда Тетфера совместно с Русским ПЕН-центром и составляющая 40 000 дойчмарок, — самая достойная из номенклатурных премий. В кулуарах ее называют «битовской», имея в виду, что автор «Пушкинского дома», председатель Русского ПЕН-центра и, кстати, первый лауреат самой «пушкинки» — самый авторитетный из членов жюри (которое традиционно возглавляет профессор-славист Вольф Шмид). Лауреатами последовательно становились Битов (1990), Людмила Петрушевская (1991), Фазиль Искандер (1992), Д.А. Пригов и Тимур Кибиров (концептуалистам осторожно дали на двоих, 1993), Белла Ахмадулина (1994), Семен Липкин (1994), Саша Соколов (1996), Виктор Астафьев (1997).

Кроме собственно премии, вручается также Пушкинская стипендия: 6000 марок, которые лауреат должен потратить на «ознакомительную поездку в Германию». В этом году знакомиться со страной Гете и Гейне выпало поэтам Олеся Николаевой и Николаю Кононову. Их, как и Маканина, мы можем только приветствовать. Однако было бы вполне разумно, когда б тридцати-сорокалетние получали не стипендию, а саму премию, а стипендия доставалась молодежи.

19/3